

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Берсенева Н.А.

Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108
E-mail: bersnatasha@mail.ru

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Целью исследования является реконструкция и интерпретация детских возрастных групп алакульского населения Южного Зауралья. В выборку были включены опубликованные погребения индивидов до 15 лет, снабженные профессиональными антропологическими определениями. Самая многочисленная — младшая возрастная группа (от рождения до двух лет), большинство детей было погребено лишь в сопровождении посуды. В старшей детской возрастной группе (2–10 лет) процент захоронений с посудой или гендерно нейтральными предметами снижается, а процент погребений с украшениями, напротив, повышается. Инвентарь «подростковой» группы (10–15 лет) был практически идентичен инвентарю взрослых. Можем заключить, что к 13–15 годам дети достигали полной социальной зрелости.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, алакульская культура, детские погребения, возрастные группы.

Поздний бронзовый век (II тыс. до н.э.) в степной и лесостепной Евразии был эпохой крупных культурных образований оседлых скотоводов, самыми значительными из которых являлись срубная (на западе) и андроновская (на востоке) культурно-исторические общности. Несмотря на определенные общие черты в погребальном обряде и материальной культуре обеих общностей, локальные особенности позволяют выделить ряд археологических культур внутри них. Алакульская культура, памятники которой занимают лесостепную и степную зоны восточной стороны Уральских гор до бассейна р. Тобол, была локализована на западной периферии андроновской общности. В настоящее время алакульские комплексы датируются по совокупности AMS-дат XVIII–XVII вв. до н.э. (калиброванные значения), хронологически следуя за петровской культурой с некоторым наложением интервалов [Молодин и др., 2014; Епимахов и др., 2021, с. 24–25].

Характерной особенностью памятников срубной и андроновской общностей является большое количество детских погребений в могильниках. Поскольку дети составляют большинство погребенной популяции, анализ социальных структур эпохи бронзы данной территории невозможен без включения в него детских возрастных групп. Нужно отметить, что погребениям детей алакульской культуры в литературе большого внимания ранее не уделялось. Половозрастному анализу алакульских могильников было посвящено лишь несколько статей, опубликованных достаточно давно [Хлобыстина, 1975; Куприянова, 2001].

Что касается монографического издания отдельных некрополей, то в работах В.С. Сорокина [1962] и А.В. Матвеева [1998] детские погребения упомянуты только при анализе палеодемографической ситуации соответствующих могильников или анализе общественного устройства, связанного с вопросами о «семье и обществе». Дети как отдельная социальная категория в этих публикациях не рассматривались. В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова в своей монографии [2006] уделили внимание погребальным конструкциям и керамике детских погребений могильника Урефты I, но неудовлетворительная сохранность костей и скудный инвентарь памятника не позволили авторам обсуждать социальные аспекты. Публикация материалов могильника Степное VII [Куприянова, Зданович, 2015] также не содержит полного анализа детских погребений, но приложение 1 посвящено реконструкции детского костюма алакульской и петровской культур [Там же, с. 139–143].

Подробный анализ детских захоронений Лисаковского I могильника дан в книге Э.Р. Усмановой [2005, с. 112–118]. Автор рассмотрела особенности погребальных построек, керамического комплекса и сопроводительного инвентаря из детских захоронений. На основании этого анализа Э.Р. Усманова выделила три «возрастные ступени»: (1) — младенчество и раннее детство; (2) — первый период детства от 3 до 7–10 лет и (3) — последний период детства (от 10 до 14 лет) [Там же, с. 118] — и предложила интерпретацию этих категорий.

Детские погребения алакульской культуры Южного Зауралья: реконструкция возрастных групп

Целью настоящего исследования являются реконструкция и интерпретация в социальных терминах детских возрастных групп алакульского населения Южного Зауралья. Работа основана на материалах опубликованных могильников: Урефты I, Кулевчи VI, Степное VII, Тасты-Бутак 1, Лисаковский I, Алакуль, Ташла 1 [Стефанов, Корочкова, 2006; Виноградов и др., 2020; Куприянова, Зданович, 2015; Куприянова, 2017; Сорокин, 1962; Усманова, 2005; Сальников, 1952; Шилов, Богатенкова, 2015; Рафикова, Савельев, 2015]. В выборку были включены все погребения индивидов до 15 лет, снабженные профессиональными антропологическими определениями. Полностью разрушенные ямы были исключены из анализа. Не учитывались также погребения, для которых не удалось установить возраст детей в годах ввиду ограбления или плохой сохранности. Таким образом, выборка составила 162 могильные ямы, где хотя бы один из умерших — ребенок до 15 лет, плюс 50 ям, в которых кости, возможно, не сохранились¹ (192 + 50 индивидов, всего 212 ям и 242 индивида).

Источники

Алакульские могильники Южного Зауралья представлены невысокими курганными насыпями, содержащими от одного-двух до нескольких десятков погребений. Детские могилы локализованы по периферии погребальных комплексов, иногда устроены во рвах или пристроях к каменным оградкам. Известно нечто вроде «детских кладбищ», когда до нескольких десятков захоронений расположены на периферии курганного пространства, где центральное место принадлежит погребениям взрослых (Кулевчи VI, курган 4; Степное VII, комплекс 5; могильник Алакуль, курган 13; Урефты I, курган 21). Насыпь над этими «детскими» участками кладбища возводилась не всегда (Степное VII, комплекс 5; Урефты I, курганы 21 и 13). Эти «детские кладбища» характерны для северной (лесостепной) части Южного Зауралья (могильники Алакуль, Степное VII и отчасти Кулевчи VI). Кроме того, здесь доминируют деревянные перекрытия, камень в строительстве погребальных сооружений использовался редко, за исключением, пожалуй, могильника Урефты I. Лесостепные памятники примечательны тем, что на некоторых из них количество детских захоронений достигает 80 %, например Степное VII [Епимахов и др., 2021, рис. 5] и Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006].

В некрополях, расположенных южнее и восточнее (Лисаковский I, Тасты-Бутак 1), погребения совершались внутри каменных оградок; в случае могильника Тасты-Бутак 1 умерших укладывали в каменные ящики. Детские могильные ямы также располагались по периферии сооружений, однако они не формировали, в отличие от более северных регионов, крупных «детских» участков. Детские погребения здесь составляют не менее 50 %.

В алакульское время дети иногда погребались и на поселениях — в межжилищном пространстве или на периферии поселения. Этим захоронениям посвящена отдельная работа автора [Берсенева, 2021].

Методика анализа

С учетом имеющихся антропологических определений, погребения индивидов до 15 лет были разбиты на три категории (от рождения до 2 лет, от 2 до 10 лет и от 10 до 15 лет). Мы избрали две вехи развития биологического возраста детей (2 года — возраст, когда дети начинают говорить и, следовательно, активизируется их постепенная социализация, и около 10 лет — когда в среднем начинается половое созревание). К 15 годам, в демографическом (и биологическом) смысле, индивид переходит в категорию взрослых ([Chamberlain, 2006, p. 16]; см. также: [Lewis, 2011, tab. 1]). Следует отметить, что эти категории являются рабочим инструментом для анализа, позволяющим проследить динамику изменений в сопровождении детей погребальным инвентарем, если таковая имела место. Так, М.А. Балабанова для анализа погребений срубной культуры Нижнего Поволжья выделила следующие детские возрастные группы: (1) 0–1 год — младенчество; (2) 1–4 года — раннее детство; (3) 5–9 лет — второе детство; (4) 10–14 лет — подростки [2018, с. 255]. Состояние источников по алакульской культуре Южного Зауралья не позволило ввести более дробные категории ввиду большого количества погребений с плохо сохранившимися останками и, соответственно, с определениями возраста смерти в достаточно широком диапазоне (см. также упомянутые выше возрастные категории, используемые Э.Р. Усмановой [2015, с. 118]).

¹ Вопрос о том, считать ли ямы небольших размеров, содержавшие посуду и некоторые предметы погребального инвентаря, детскими погребениями с несохранившимися костями, поднимался автором в коллективной монографии, презентующей материалы могильника Кулевчи VI [Виноградов и др., 2020, с. 264], что позволяет избежать повторений. Включение этих ям в выборку, безусловно, требует специальных оговорок.

Возрастной состав и характеристика могильных ям

Как уже говорилось выше, дети составляют большинство алакульских погребенных. В выборке индивидов до 15 лет преобладают маленькие дети, от новорожденных и до двух лет,— 61,7 или 55,1 %, если учитывать/не учитывать непогребенные погребения с несохранившимися костями (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной состав детей, погребенных в алакульских могильниках Южного Зауралья

Table 1

The representation of juveniles of different ages in the Alakul burial grounds (Southern Trans-Urals)

Могильник	До 2 лет	2–10 лет	10–15 лет	Общее кол-во погребенных детей
Урефты I	24 + 21 *	8	1	54
Алакуль	14	8	3	25
Кулевчи VI	10 + 22 *	9	4	45
Степное VII	31 + 7 *	1	2	41
Лисаковский I	9	11	3	23
Тасты-Бутак-1	7	29	5	41
Ташла 1	2	5	6	13
Всего	97 + 50 *	71	24	192 + 50 *

* Количество погребений с несохранившимися костями.

Детские погребения алакульской культуры преимущественно индивидуальные, устроены в мелких ямах небольшого размера и глубины, часто сооружались перекрытия и рамы из дерева, реже — из каменных плит. Судя по сохранившимся останкам, детей хоронили согласно тому же обряду, что и взрослых: скорченно на левом боку, с руками, сложенными перед лицом. Как и в случае со взрослыми, погребения на правом боку редки и в абсолютном большинстве зафиксированы в парных захоронениях, когда умершие были уложены лицом друг к другу или даже в «позу объятий»: Кулевчи VI, курган 5, яма 3 [Виноградов и др., 2020, рис. 1.240], Ташла 1 [Рафикова, Савельев, 2015, рис. 1–4], Степное VII, комплекс 8, яма 1 [Куприянова, 2017].

Коллективное единовременное захоронений детей (более трех в одной яме) найдено лишь одно — Степное VII, яма 58 — центральная в комплексе 5 [Куприянова, Зданович, 2015, с. 95–97]. Здесь были захоронены трое младенцев (возрастом от рождения до 4 мес.) по обряду ингумации и два ребенка предположительно по обряду кремации. Авторами высказано предположение, что «скорее всего, яма 58 функционировала как детский склеп, имевший, судя по центральному положению, элитный статус» [Там же, с. 97]. От кремаций, судя по описанию, мало что сохранилось — несколько «мелких фрагментов обугленных костей» [Там же, с. 96]. Трудно, пожалуй, судить с уверенностью на основании столь скудных данных, но если действительно перед нами кремации младенцев, то это является редким, почти уникальным случаем для алакульской культуры Южного Зауралья.

Тройных погребений, где были захоронены только дети, известно четыре — по одному на могильниках Алакуль, Степное VII, Кулевчи VI и Тасты-Бутак 1. Тройных совместных захоронений детей и взрослых — всего две ямы, обе на могильнике Степное VII (по двое взрослых в каждой яме, одна из них — женщина, дети — младенцы).

Двойные детские захоронения представлены девятью могилами из могильников Алакуль, Степное VII, Кулевчи VI, Урефты I и Тасты-Бутак 1 и девятью погребениями (!) из могильника Ташла 1. Захоронений ребенка и взрослого — всего две ямы. В обоих случаях это захоронение женщины и ребенка. Одно — на могильнике Алакуль — «очень молодая» женщина и ребенок 7 лет; второе — Степное VII — женщина 17–25 лет и младенец.

Индивидуальные ямы преобладают — их насчитывается 135 (плюс 50, в которых не сохранились кости).

Погребальный инвентарь был обычно немногочислен (табл. 2), в среднем около 46,6 % детей были похоронены без каких-либо артефактов², исключая посуду, которая присутствовала в абсолютном большинстве захоронений (98,4 %).

Анализируя табл. 2, можно заключить: все предметы, обнаруженные в детских могилах, представляют собой (за исключением посуды) украшения и детали костюма, что говорит о том, что

² Учитывались только те погребения, в которых факт отсутствия инвентаря был достоверно установлен, т.е. ограбленные ямы не принимались во внимание.

Детские погребения алакульской культуры Южного Зауралья: реконструкция возрастных групп

умерший ребенок был одет в момент похорон в праздничную (или, скорее всего, обычную одежду). Какие-либо орудия труда или предметы быта не полагались детям. Единичные случаи — находка пяти костяных «спиц» (Степное VII, яма 59, ребенок возрастом 0–3 мес.), бронзового ножа в погребении девочек из могильника Алакуль (курган 27, яма 7) и еще одного бронзового ножа (кинжала) в могильнике Степное VII, комплекс 8 [Куприянова, 2017]. Судя по наборам украшений, там также были захоронены девочки-подростки.

Таблица 2

Взаимосвязь сопроводительного инвентаря и возраста погребенных детей *

Table 2

Correlation of grave goods and age-at-death of subadults

Категории сопроводительного инвентаря	Количество детей (индивидов)	Возраст детей (в годах)
Раковина	8	От 6 до 10
Бусина	70	От 0 до 15
Астрагал	15	От 1,5 до 10
Бронзовый браслет	37	От 0 до 15
Бронзовый перстень	2	От 6 до 8
Накосник	5	От 6 до 12
«Амулет» (просверленный клык хищника)	12	От 1 до 13
«Спица» костяная	1	0–3 мес.
Бронзовый нож	2	10–12

* В таблице учтены лишь погребения детей, чей возраст был антропологически идентифицирован.

Возможно, единственными более или менее часто встречающимися предметами можно считать астрагалы, иногда обнаруживаемые в больших количествах. В алакульское время астрагалы являются чисто детской категорией инвентаря. Всего погребений с астрагалами в нашей выборке 15, львиная доля из них (13 предметов) приходится на могильники Тасты-Бутак 1 и Кулевчи VI.

В некоторых могильниках детей хоронили лишь с керамическими сосудами, даже без украшений. В качестве примера можно привести некрополи Урефты I (кроме посуды, артефакты найдены лишь в четырех погребениях из 54) и Ташла 1 (только у трех погребенных из 22 обнаружены браслет, раковина и бусины). В могильниках Кулевчи VI, Степное VII, Лисаковский I, Тасты-Бутак 1, Алакуль, напротив, большинство детей были сопровождаемы предметами, включавшими бронзовые украшения, бусины, раковины, амулеты и астрагалы.

Анализ инвентаря по возрастным категориям

Для анализа использовались материалы могильников, обработанных антропологами: Урефты I, Кулевчи VI, Степное VII, Тасты-Бутак 1, Лисаковский I, Алакуль, Ташла 1. Ямы без сохранившихся костных останков, кремации, погребения без определения возраста (в годах) или с очень широким диапазоном возраста смерти были исключены из анализа. Общее количество индивидов в этой выборке (до 15 лет) — 172.

Рассмотрим захоронения по возрастным группам

Младшая детская возрастная группа (0–2 года) — 88 индивидов. Более половины — 48 умерших (54,5 %) были захоронены без инвентаря, 27 (30,7 %) — с относительно большим количеством украшений, остальные 13 (14,8 %) — с единичными мелкими украшениями. Исключение — могильник Тасты-Бутак 1, где ребенок полутора лет был погребен с 13 астрагалами мелкого рогатого скота (оградка 31, яма 1).

Старшая детская возрастная группа (2–10 лет) — 70 индивидов. Нет инвентаря у 24 индивидов (34,3 %), и у восьми он, возможно, не сохранился (это нарушенные погребения). Около половины — 28 умерших (40,0%) погребены с комплексами украшений. Остальные (10 — 14,3 %) захоронены с раковинами, астрагалами, единичными аксессуарами. В этой возрастной категории впервые появляются накосные украшения, наборы украшений становятся полнее и разнообразнее.

«Подростки» — (10–15 лет). Всего 14 индивидов, у четырех (28,6 %) не было инвентаря, у трех (21,4 %), возможно, он не сохранился (потревоженные могилы). Всего у пяти (35,7 %) умерших были украшения. У остальных погребенных обнаружены лишь единичные бронзовые браслеты и обоймы. В этой категории всего четыре непотревоженных захоронения, так как большинство индивидов этой категории были погребены в парных могильных ямах и останки в той или иной степени разрушены.

Далее был проведен сравнительный анализ инвентарных наборов детей до 15 лет и взрослых. «Гендерно нейтральный» инвентарный набор включал предметы, прямо не указывающие на пол (гендер) умершего; к «мужскому» набору были отнесены бронзовые ножи, булавы, пса-лии, наконечники копий и стрел; «женский» набор означал присутствие хотя бы двух категорий украшений (например, бусины + браслеты); набор «без инвентаря» предполагал, что погребение содержало только посуду, или вообще не содержало сохранившихся предметов. Результаты представлены на диаграмме (рис.)³.

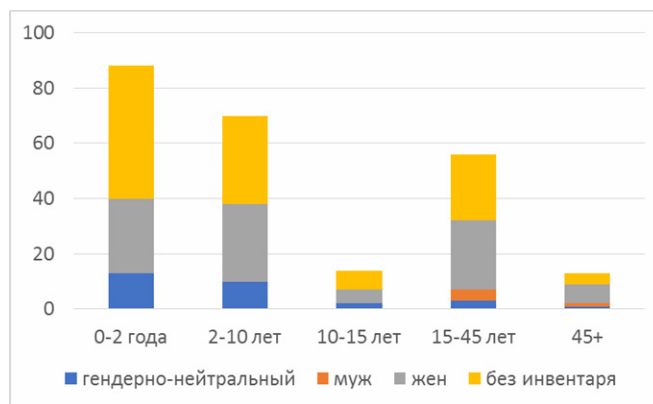

Рис. Диаграмма распределения гендерно-окрашенных артефактов в погребениях алакульской культуры (по возрастным группам).

Fig. Distribution of gender-linked artefacts in the Alakul burials (according to age groups).

Диаграмма демонстрирует, что в погребениях всех возрастных групп алакульского общества уверенно манифестирован женский гендер. Предметы, которые ассоциируются с мужчинами, достаточно редки, и во всех группах велика доля погребений с одними сосудами в качестве инвентаря. Доля погребений с украшениями для детских возрастов составляет 30–40 %, для взрослых она лишь незначительно выше — 45–50 %. Артефакты из мужского набора в детских погребениях не встречены, за исключением двух бронзовых ножей, найденных, как ни странно, в погребениях девочек-подростков.

Сопоставляя результаты распределения гендерных наборов по возрастным группам и данные о точном возрасте умерших, сведенные в табл. 2, можно увидеть расширение состава наборов украшений приблизительно с 6 лет. По достижении этого возраста некоторые детские погребения становятся полностью аналогичными женским (например, могильник Кулевчи VI, курган 5, яма 3). В целом же, украшения из бусин и бронзовые браслеты являются наиболее массовыми для детей всех возрастных групп.

Обязательным элементом алакульского погребального обряда являлась посуда, и анализ керамических коллекций могильников позволил выявить для ряда памятников некоторые закономерности, связанные с детскими захоронениями. Как оказалось, почти все исследователи отмечают, что для детских захоронений в целом характерны «небольшие размеры и многообразие морфологических модификаций» [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 90]. Э.Р. Усманова пишет, что на могильнике Лисаковский I «в детские погребения помещались в основном сосуды малого объема». Кроме того, на Лисаковском I могильнике только в погребениях младенцев были обнаружены сосуды, накрытые крышками [2005, с. 115]. Е.В. Куприянова и Д.Г. Зданович находят, что «специфической формой детского погребального обряда могильника Степное VII можно считать помещение в погребения миниатюрных баночек и неорнаментированных сосудов, располагавшихся в ногах погребенных. Подобное расположение зафиксировано в 18 детских погребениях, причем в некоторых случаях банки и сосуды находились в перевернутом виде — дном вверх. Не вызывает сомнения, что данное расположение являлось одной из форм манипуляций с предметами в ходе ритуала в детском погребальном обряде» [2015, с. 136]. «Непрофессиональное» нанесение орнамента, грубая лепка, кривизна пропорций ряда изделий из детских могильных ям Степного VII позволили предположить, что дети могли быть «авторами» некоторых вещей. Это предположение отчасти подтверждается находками отпечатков дет-

³ Учитывались погребения с антропологически установленным возрастом (выборка составила 242 скелета).

Детские погребения алакульской культуры Южного Зауралья: реконструкция возрастных групп

ских пальцев и ногтей на нескольких сосудах из погребений (ямы 49 и 64) [Берсенева и др., 2014, рис. 7 и 8]. В могилах были захоронены младенцы возрастом до одного года, так что предположение, что они были в состоянии сами выполнить эти изделия, отпадает само собой. Очевидно, это могли быть опыты старших детей, которые, таким образом, приняли непосредственное или опосредованное участие в погребальном обряде. Для нашего исследования также важно наблюдение, сделанное И.П. Алаевой во время исследования объемов сосудов могильника Кулевичи VI. Она отмечает, что в детских погребениях представлены только сосуды объемом до 2 литров, более крупные формы ассоциируются исключительно с погребениями взрослых. Зависимость между вместимостью сосуда и возрастом детей не прослеживается, т.е. объем сосуда не зависел от возрастной группы ребенка [Виноградов и др., 2020, с. 403–404].

Обсуждение

Территория распространения алакульских памятников огромна, однако степень изученности их разная, качество публикаций варьирует значительно. Практически белым пятном с точки зрения социального анализа остается юго-западная периферия: так называемые западно-алакульские и кожумбердынские памятники. Некоторые из них опубликованы В.В. Ткачевым с соавт. [Ткачев В.В., 2012; Ткачев В.В. и др., 2013; и т.д.], но затрудняет анализ тот факт, что человеческие останки, обнаруженные в этих памятниках, как правило, плохой сохранности и антропологами почти не изучались.

Рассматривая северную периферию алакульской культуры, следует обратиться к материалам Хрипуновского и Чистолебяжского могильников [Матвеев, 1998], в данном случае к их алакульской части.

Могильник Чистолебяжский (37 погребений) отличается преобладанием детских захоронений. Центральные ямы, содержавшие, по-видимому, взрослых умерших, сильно разрушены, и в целом процент ограбленных ям довольно высок (не потревожены лишь 16 ям — семь с несохранившимися останками и девять индивидуальных детских погребений). Детские останки были обнаружены в 12 ямах. Представлены дети всех возрастных групп с некоторым преобладанием младшей — до 2 лет. Почти все умершие были сопровождаемы инвентарем — в основном мелкими украшениями в виде бусин и подвесок, а также браслетами (два случая — дети возрастом до 6 мес. и 9–10 лет).

Алакульские погребения Хрипуновского могильника (35 умерших) [Матвеев, 1998; Матвеева и др., 2003] примечательны тем, что в них было похоронено довольно много взрослых — минимум 21, т.е. почти две трети от общего количества индивидов. Детских захоронений всего 10. Дети в большинстве были захоронены в коллективных ямах, индивидуальных ям только четыре, и лишь они остались непо потревоженными. Представлены дети всех возрастов, в двух ямах зафиксирована лишь посуда. В пяти захоронениях сохранился инвентарь. Во всех случаях это украшения — низки бус, браслеты, подвески. Они сопровождали детей возрастом от полугодика до 12–14 лет. Из орудий труда найдено бронзовое шило (ребенок 12–14 лет).

В целом, погребения Хрипуновского и Чистолебяжского могильников очень напоминают по обряду и принципам снабжения инвентарем могильник Алакуль. В генеральном смысле эти комплексы хорошо вписываются в круг зауральских алакульских памятников, и заключения, сделанные выше, могут быть распространены и на этот регион.

Двигаясь на восток и юг от исследуемого региона, мы были вынуждены отметить, что публикации синхронных могильников на территории Северного Казахстана (амангельдинского типа), к сожалению, лишены антропологических определений, часть материалов не опубликована [Зданович, 1988]. Памятники Центрального Казахстана (атасуского типа) демонстрируют черты сходства с алакульскими комплексами в позиции тела умершего, в керамике и отчасти в предметном наборе, однако серьезно отличаются по архитектуре могильников [Ткачев А.А., 2002, 2019]. Эти комплексы могут быть отнесены к большой андроновской общности, но уже имеют слабое отношение к собственно алакульской культуре Зауралья. Захоронения совершались в каменных ящиках и в грунтовых ямах, окруженных каменными оградами. Погребения сильно разграблены, особенно могилы взрослых, антропологического материала сохранилось мало. Сохранившихся артефактов в атасуских могильниках относительно немного, они представлены в основном керамикой и украшениями. Тем не менее среди инвентаря взрослых индивидов зафиксированы костяные псалии и наконечники стрел, бронзовые ножи, «пряжки» из раковин. Нужно отметить, что в числе атасуских захоронений отмечены погребения «в позе объятий» или «лицом друг к другу», являющиеся одной из визитных карточек алакульской культуры и вообще андроновской общности. Детских погребений в этих могильниках в целом несколько меньше, чем на памятниках лесостепного Зауралья, но их количество (около 50 %) вполне коррелирует с таковым в могильни-

ках Тасты-Бутак I и Лисаковский I. Детские могилы часто находились за пределами оград или в «пристроях» к ним. Инвентарь младшей возрастной группы представлен в абсолютном большинстве лишь посудой, дети старших возрастов сопровождалась украшениями (девочки?), иногда астрагалами. А.А. Ткачев отмечает, что среди погребенных детского возраста могильника Майтан преобладают младенцы до года и дети возрастом до 7–9 лет, погребения «подростков» немногочисленны [Ткачев А.А., 2019, с. 228]. Подобная ситуация прослеживается и на зауральских могильниках.

Заключение

Самой многочисленной среди алакульских детских погребений является младшая возрастная группа (от рождения до двух лет). Более двух третей (61 индивид — 69,3 %) ее представителей были захоронены лишь в сопровождении посуды или с гендерно нейтральным инвентарем. Для этой возрастной группы отмечена самая низкая степень ограбления могил (всего три ямы). В старшей детской возрастной группе (от 2 до 10 лет) процент погребений с посудой или гендерно нейтральным инвентарем снижается, а процент погребений с украшениями, напротив, повышается. «Подростки» (10–15 лет) составляют относительно небольшую по количеству группу, их погребальный обряд был, судя по немногочисленным хорошо сохранившимся захоронениям, идентичен обряду взрослых (например, могильник Алакуль, курган 13, яма 9). Трудно сказать с уверенностью, но в среднем соотношение мальчиков и девочек среди погребенных детей должно быть примерно равным, если рассматривать выборку детей, сопровождаемых предметами. В могильниках, где было принято хоронить детей с инвентарем (Степное VII, Кулевчи VI, Алакуль), примерно половина детей захоранивалась с украшениями, половина — без них, так что соотношение полов среди детей вполне могло быть сопоставимым.

Таким образом, динамика сопровождения детей погребальным инвентарем прослеживается в снижении доли гендерно нейтральных наборов и погребений с одной посудой от младенческого возраста к подростковому. Процент погребений с украшениями, наоборот, с возрастом несколько увеличивается и к подростковому возрасту также достигает «взрослой» пропорции. Погребения с мужскими вещами появляются после 15 лет. В детские погребения ставили обычно сосуды малого объема, вне зависимости от возрастной группы, что, вероятно, указывает на детей как на потребителей, нежели на производителей продукта. «Подростки» хоронились согласно «взрослому» варианту обряда, который не предполагал снабжение инвентарем мужчин, а взрослые женщины хоронились с украшениями в абсолютном большинстве случаев. Исходя из полученных результатов можно заключить, что к 13–15 годам подростки, вероятно, достигали полной социальной зрелости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М.А.* Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 245–258.
- Берсенева Н.А.* Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // *Уфимский археологический вестник*. 2021. № 2. С. 206–214. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.002>
- Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г.* Следы детства: Поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // *Вестник НГУ*. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 88–100.
- Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А., Алаева И.П., Алентьев Ю.М., Блинов И.А., Галибин В.А., Епимахов А.В., Илюшина В.В., Китов Е.П., Косинцев П.А., Рассомахин М.А.* Кулевчи VI — могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье [Электронный ресурс]. Челябинск, 2020. 556 с.
- Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К.* Археология и комплексные методы исследования: От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций: (Бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // *Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: Проблемы исторической реконструкции: Материалы I Междунар. междисциплинар. конф.* Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 2021. С. 7–29.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 184 с.
- Куприянова Е.В.* Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) // *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»*. Самара, 2001. С. 321–327.
- Куприянова Е.В.* Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2017. Вып. 13. С. 90–103.
- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г.* Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Детские погребения алакульской культуры Южного Зауралья: реконструкция возрастных групп

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Рафикова Я.В., Савельев Н.С. Парные погребения могильника эпохи бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 151–159.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–71.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 207 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 160 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.

Ткачев В.В. Погребально-культовый комплекс алакульской культуры в восточном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 49–57.

Ткачев В.В., Умрихин С.М., Бытковский О.Ф. Новый синкретический могильник на западе андроновской общности (Южное Зауралье) // РА. 2013. № 1. С. 97–105.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.

Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» // СА. 1975. № 4. С. 23–35.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. Погребения с женскими украшениями Алакульского могильника бронзового века: Приложение // Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. С. 217–235.

Chamberlain A.T. *Demography in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 235 p.

Lewis M. *The Osteology of Infancy and Childhood: Misconceptions and potential* // (Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood / M. Lally and A. Moor (Eds.). BAR International Series 2271. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 1–13.

Berseneva N.A.

Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation
E-mail: bersnatasha@mail.ru

Children's burials of the Alakul Culture in the Southern Trans-Urals: reconstruction of age groups

The proposed study concerns the Alakul Culture whose sites are located in the forest-steppe and steppe zone of the Southern Trans-Urals and are dated to the 18th–17th cc. cal BC. The work is based on the materials of the published burial grounds: Urefty I, Kulevchi VI, Stepnoye VII, Tasty-Butak 1, Lisakovsky I, Alakul, and Tashla 1. One of the most remarkable features of the Alakul cemeteries is that children constitute between 50 % and 80 % of all the interred. In this work, 212 burial pits (242 individuals) were analysed. The aim was the reconstruction and interpretation of children's age groups of the Alakul population in the Southern Trans-Urals by means of the analysis of the specifics of the children's burial rites and grave goods. The children's burials were divided into three groups in accordance to the age-at-death: infants (0–2 years old), children (2–10 years old), and adolescents (10–15 years old). Next, the grave goods of children from the different groups were studied; specifics of the deposition of grave goods for the different age groups were analysed. Comparing the variations in the children's burial rite, it can be concluded that the place of children in the social structure of the Alakul society was quite important, despite the differences in the structure of the burial pits and the content of the grave goods. First of all, this is evidenced by the number of children's burials at the sites, which exceeds the number of the adult's burials, and secondly, by the presence of the children's burials performed in accordance with the 'adult' version of the rite, including the position in the grave pit and the sets of jewellery. The youngest age group (infants, from the birth to two years old) was the most numerous. Sixty one individuals (69.3 %) from this group were buried only accompanied by pottery or with gender-neutral grave goods. In the older children's age group (2–10 years old), a third of the individuals were buried with a large amount of jewellery, a third without grave goods, and the rest with astragali or with gender-neutral grave goods. The adolescents (10–15 years old) is a relatively small category in terms of the number of the interred; their funeral rite, judging by the few well-preserved burials, was identical to that of the adults (for example, the Alakul burial ground, mound 13, pit 9). We can conclude that by the age of 13–15 adolescents were reaching the full social adulthood.

Keywords: Southern Trans-Urals, Bronze Age, Alakul culture, children's burials, age groups.

REFERENCES

Balabanova, M.A. (2018). Children's Burials of the Srubnaya Culture as an Object of Interdisciplinary Study. *Stratum Plus*, (2), 245–258. (Rus.).

Berseneva, N.A. (2021) Human burials at the Bronze Age settlements in the Southern Urals: alternative, normative or deviant? *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (2), 206–214. (Rus.). <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.002>

Berseneva, N.A., Kupriyanova, E.V., Bersenev, A.G. (2014). Traces of childhood. Search for children in an archaeological source and the study of ceramic artifacts (Bronze Age of the Southern Trans-Urals). *Vestnik NGU, Seriya Istorii, filologii*, 13(3), 88–100. (Rus.).

- Chamberlain, A.T. (2006). *Demography in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Epimakhov, A.V., Kupriyanova, E.V., Hommel, P., Hanks, B.K. (2021). Archeology and complex methods of investigation: From ideas about linear evolution to a mosaic of cultural traditions (the Bronze Age of the Urals in the light of large series of radiocarbon dates). In: E.V. Kupriyanova (Ed.). *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniia: Problemy istoricheskoi rekonstruktsii: Materialy I mezhdunar. mezhdistsiplinar. konf.* Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 7–29. (Rus.).
- Khlobystina, M.D. (1975). Towards the study of the structure of the "Alakul type" Andronovo communities. *Sovetskaya arkheologiya*, (4), 23–35. (Rus.).
- Kupriyanova, E.V. (2001). Age and Gender Stratification as an Aspect of the Cultural Identity of Ancient Societies (based on Materials from the Bronze Age Necropolises in the Trans-Urals). In: *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "K stoletiiu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy"*. Samara, 321–327. (Rus.).
- Kupriyanova, E.V. (2017). New materials from the excavations of the Stepnoe VII burial ground (2016) in the system of the Petrovka-Alakul antiquities of the Southern Trans-Urals. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia*, (13), 90–103. (Rus.).
- Kupriyanova, E.V., Zdanovich, D.G. (2015). *Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Stepnoe VII burial ground*. Chelyabinsk: Entsiklopediia. (Rus.).
- Lewis, M. (2011). The Osteology of Infancy and Childhood: Misconceptions and potential. In: M. Lally and A. Moor (Eds.). *(Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood*. Oxford: Archaeopress, 1–13.
- Matveev, A.V. (1998). *The first Androno people in the forests of the Trans-Urals*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Volkov, E.N., Riabogina, N.E. (2003). *New sites of the Bronze and Early Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I., Epimakhov, A.V., Marchenko, Zh.V. (2014). Bronze Age Radiocarbon Chronology of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and Approaches, Achievements and Problems. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya* 13 (3), 136–167. (Rus.).
- Rafikova, Ia.V., Savel'ev, N.S. (2015). Paired burials of the Bronze Age burial ground Tashla-1 in the Bashkir Trans-Urals. In: A.D. Tairov (Ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Yuzhnom Urale: materialy VI vseros. nauch. konf.* Cheliabinsk, 151–159. (Rus.).
- Sal'nikov, K.V. (1952). Kurgans on Alakul lake. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (24), 51–71. (Rus.).
- Shilov, S.N., Bogatenkova, A.A. (2008). Burials with female adornments in the Bronze Age Alakul burial ground. In: E.V. Kupriyanova. *Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzy kak "tekst" (po materialam nekropolei luzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana)*. Chelyabinsk: AvtoGraf, 217–235. (Rus.).
- Sorokin, V.S. (1962). Tasty-Butak I Bronze Age burial ground in Western Kazakhstan. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (120). (Rus.).
- Stefanov, V.I., Korochkova, O.N. (2006). *Urefty I: Southern Ural site in the Andronovo context*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta. (Rus.).
- Tkachev, A.A. (2002). *Central Kazakhstan during the Bronze Age. P. 2*. Tyumen: Izd-vo TiumGNGU. (Rus.).
- Tkachev, A.A. (2019). *Bronze Age burial ground Maitan*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (Rus.).
- Tkachev, V.V. (2012). An Alakul Funeral and Ritual Site in the Eastern Orenburg Region. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 49(1), 49–57. (Rus.). <http://old.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2012/491/5.pdf>
- Tkachev, V.V., Umrikhin, S.M., Bytkovskii, O.F. (2013). New syncretic burial ground in the west of the Andronovo community (Southern Trans-Urals). *Rossiyskaya arkheologiya*, (1), 97–105. (Rus.).
- Usmanova, E.R. (2005). *Burial ground Lisakovsky I: Facts and parallels*. Karaganda; Lisakovsk. (Rus.).
- Vinogradov, N.B., Berseneva, N.A., Alaeva, I.P., Alent'ev, Iu.M., Blinov, I.A., Galibin, V.A., Epimakhov, A.V., Iliushina, V.V., Kitov, E.P., Kosintsev, P.A., Rassomakhin, M.A. (2020). *Late Bronze Age burial ground Kulevchi VI in the Southern Trans-Urals*. [Electronic resource]. Cheliabinsk, 2020. (Rus.).
- Zdanovich, G.B. (1988). *Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes: (Bases of periodization)*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta. (Rus.).

Берсенева Н.А., <https://orcid.org/0000-0003-2554-6205>

Сведения об авторах: Берсенева Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

About the authors: Berseneva Natalya A., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.03.2023

Article is published: 15.12.2023